

**Баранова Елена Ивановна —
доктор медицинских наук,
профессор кафедры факультетской
терапии с курсом эндокринологии
с клиникой им. Г.Ф. Ланга Санкт-
Петербургского государственного
медицинского университета
им. акад. И.П. Павлова**

Впервые я увидела Владимира Андреевича Алмазова в сентябре 1975 года. Студенты 4-го курса пришли на первую лекцию по внутренним болезням в аудиторию № 6. Аудитория была заполнена до отказа — так часто бывает на первой лекции в начале учебного года. В аудиторию стремительно вошел человек небольшого роста, неяркой внешности (в молодости часто обращаешь внимание на внешние данные) и начал читать лекцию по гипертонической болезни. И тут случилось чудо... Владимир Андреевич так интересно, образно и понятно рассказывал о сложном патогенезе артериальной гипертензии, что слушатели были покорены его интеллектом и даром рассказчика. В те годы не было принято аплодировать после окончания лекции, но наш восторг был единодушен. Впоследствии я, как и многие мои однокурсники, не пропустила ни одной лекции В.А. Алмазова и на 4-м курсе твердо решила стать кардиологом. Считала тогда и не изменила этого мнения до сих пор, что нет ничего увлекательнее терапии в целом и кардиологии, в частности. Спасибо за это, прежде всего, Владимиру Андреевичу, который впоследствии был руководителем моей кандидатской диссертации, а затем консультантом по докторской. Испытываю также благодарность к В.А. Алмазову за то, что представил меня Нине Петровне Масловой, благословил нас заниматься проблемой «женской» гипертонии. Первоначально эти исследования

встречали некоторое недоумение в научных кругах, а сейчас гендерное направление научных исследований в кардиологии общепризнано.

Всегда восхищалась трудолюбием Владимира Андреевича. Существовала легенда — на следующий день после защиты докторской диссертации Владимир Андреевич, как и каждую субботу, работал в Публичной библиотеке. На самом деле это было именно так. Владимир Андреевич получал удовольствие от интеллектуальной работы, он много читал, владея прекрасно английским языком, и всегда был в курсе последних достижений медицины. Вместе с тем, по-настоящему мудрый и высокообразованный человек, Владимир Андреевич имел собственную позицию и не следовал слепо веяниям моды, которые встречаются и в медицине. В частности, в 1995 году появилась публикация Psaty, в которой на основе метаанализа утверждалось, что применение блокаторов медленных кальциевых каналов увеличивает число нежелательных исходов у больных ишемической болезнью сердца. Владимир Андреевич, как и профессор Макс Соломонович Кушаковский, считал, что эти препараты займут свое достойное место в лечении кардиологических больных. Время расставило все по своим местам и подтвердило правоту лидеров Петербургской школы кардиологов. Многочисленные идеи Владимира Андреевича воплотились в его научных трудах и в исследованиях его учеников.

Разбирая научный архив В.А. Алмазова, мы узнали, с какой тщательностью он работал. В эпоху, когда компьютеры и интернет еще не вошли в нашу жизнь, Владимир Андреевич писал. Рукописи его содержат многочисленные правки, следы сомнений. Вместе с тем окончательный вариант поражает лаконичностью и простотой, за которыми скрывается глубокий смысл и понимание проблемы. Лекции Владимира Андреевича для студентов также отличались краткостью и образностью. Студенты обожали лекции профессора, так как после каждой прослушанной лекции молодые люди становились мудрее. Владимир Андреевич был лишен высокомерия, каждая его лекция возвышала не лектора, а студентов, повышала их самооценку, приближала к своему кумиру. В то же время профессор на лекциях шутил, сравнения его были образны, и сложные вещи воспринимались легко, без чрезмерного напряжения. Также Владимир Андреевич проводил и обходы в клинике: он всегда в первую очередь обращался к студентам, обращая их внимание на редкий симптом или особенности течения болезни в данном случае, упоминал о новых препаратах, которые следует использовать в этом случае. На обходах учились все: студенты — премудростям медицины, преподаватели — методике обучения молодых врачей. Выходя из палаты, Владимир Андреевич всегда старался рассказать что-то смешное, чтобы разрядить обстановку. Обходов профессора всегда ждали с большим

нетерпением. Это была возможность посоветоваться по поводу сложного клинического случая и радость от познания нового.

Владимир Андреевич был блестящим клиницистом. В эпоху, когда не было ультразвуковых методов диагностики (а это было до 80-х годов прошлого века), он часто ставил правильный диагноз, ориентируясь лишь на данные, полученные после осмотра больного и беседы с ним. Как-то профессора В.А. Алмазова пригласили для консультации больного в один из стационаров города. Лихорадящему пациенту долго не могли поставить правильный диагноз. Владимир Андреевич поставил точный диагноз через 5 минут — он послушал сердце больного, услышал еле различимый диастолический шум аортальной недостаточности и диагностировал инфекционный эндокардит аортального клапана. Подобных случаев можно вспомнить множество. При этом Владимир Андреевич всегда отказывался от гонорара, даже выплачиваемого администрацией больницы официально, хотя тратил на консультации больных в других стационарах свое личное время. Объяснял он это тем, что денег ему вполне хватает, а бюджетные деньги больницы следует потратить на пациентов.

1980 год — год создания Ленинградского научно-исследовательского института кардиологии — вспоминается теми опасениями и тревогами, которые были связаны с возможным уходом Владимира Андреевича с кафедры. Директором вновь созданного НИИ был назначен В.А. Алмазов, но наши опасения были напрасны —

любимую кафедру Владимир Андреевич не оставил и по-прежнему проводил обходы, клинические разборы, научные заседания и заседания кружка студенческого научного общества. Впоследствии мудрость Владимира Андреевича проявилась и в том, что он передал руководство кафедрой молодому перспективному профессору — своему ученику Евгению Владимировичу Шляхто. Он объяснял свое решение тем, что кафедрой должен руководить молодой человек. Именно так в свое время поступила Татьяна Сергеевна Истаманова, передав бразды правления кафедрой молодому профессору Алмазову.

Владимиру Андреевичу всегда было свойственно доброжелательное отношение к людям, уважение к любому виду труда. Приходя в клинику довольно рано, он, ставший уже академиком Российской академии медицинских наук, нередко встречался с санитаркой, мывшей пол, и здоровался с ней не менее доброжелательно, чем с коллегой-академиком. Эти теплые, напоминавшие семейные, отношения в клинике неизменно поддерживались Владимиром Андреевичем. Опытные сестры, ровесницы наших мам и даже бабушек, всегда ненавязчиво, но строго наставляли студентов и клинических ординаторов в премудростях практической работы и всегда неизменно обращались к нам по имени и отчеству. Семейная атмосфера на кафедре поддерживалась и традиционными новогодними вечерами, главной составляющей которых были «капустники». Эти веселые представления были посвя-

щены жизни кафедры и ее сотрудников. Владимир Андреевич всегда искренне радовался удачной шутке, в том числе в его адрес, восхищался талантливыми выступлениями молодежи. На этих вечерах всегда присутствовали все сотрудники клиники и кафедры. Это единство помогало выстоять в сложные годы.

Владимир Андреевич был прекрасным рассказчиком и всегда щедро делился знаниями с коллегами и студентами. Обо всем новом, что Владимир Андреевич узнавал, участвуя в работе конгрессов и съездов, в том числе зарубежных, он спешил рассказать нам на обходах и кафедральных заседаниях. Но с особенным интересом мы ждали рассказов Владимира Андреевича о дальних странах, о том, как живут там люди. Он так образно, с присущим ему чувством юмора рассказывал об Африке, Австралии, Соединенных Штатах Америки, что нам казалось, что и мы побывали в этих уголках мира.

Впоследствии, встречаясь с однокурсниками и со студентами, ставшими врачами, вспоминая 1-й Ленинградский медицинский институт им. акад. И.П. Павлова (ныне университет), всегда вспоминали любимых преподавателей, оставивших яркий след в наших душах. И неизменно среди легендарных преподавателей 1-го меда наши коллеги, работающие в разных концах страны и за ее пределами, вспоминали профессоров Михаила Григорьевича Привеса, Федора Григорьевича Углова и Владимира Андреевича Алмазова.

**Гринева Елена Николаевна —
доктор медицинских наук,
директор института
эндокринологии ФГУ
«Федеральный Центр сердца,
крови и эндокринологии
им. В.А. Алмазова»
Минздравсоцразвития России**

Во времена моей юности, когда компьютеров было немного, а интернетом так широко не пользовались, было принято ходить в библиотеку. В библиотеке читали научные статьи, писали диссертации, готовились к занятиям и т.д. Я любила «Публичку» и регулярно, по выходным, посещала ее. Приходила я обычно рано, около 9 часов. И практически всегда Владимир Андреевич уже был там, он приходил еще раньше. Однажды я пришла позже обычного, и все места за письменными столами были заняты. Оставалось лишь несколько свободных мест за первыми в каждом ряду столами. Но эти столы предназначались для докторов наук

и профессоров и никем, кроме них, никогда не занимались. За одним из таких столов сидел Владимир Андреевич. Увидев, что я ищу свободное место, он пригласил меня за свой стол. «Владимир Андреевич, эти же места только для профессоров», — воскликнула я. — «Садись, может быть, профессором станешь». И так я занималась весь день за «профессорским» столом.

У Владимира Андреевича была одна удивительная черта: он никогда не опаздывал на обходы. Ровно в 10.15 он шел к палате, и мы, естественно, его уже ждали. Он не только ценил свое время, но и время своих коллег. Владимир Андреевич с боль-

шим уважением относился к людям, независимо от их возраста и положения — и к коллегам-профессорам, и к студентам.

На обходах он был немногословен, внимательно выслушивал лечащего врача, выделял главное в его рассказе, и диагноз заболевания рождался как-то сам собой. Так, например, врач долго и подробно рассказывает о больном, говорит, что диагноз не ясен: может быть то, может быть это, а может быть еще что-нибудь. Владимир Андреевич слушает, слушает, не перебивает и вдруг говорит: «А нет ли у него туберкулеза?». И все понимают: конечно же, это — туберкулез!